

гуманистическая мысль» – Герцен). В случае с Герценом, с одной стороны, «осердеченная мысль» – это его индивидуальная особенность, с другой стороны, «гуманистическая мысль» присуща вообще подлинному искусству, в том числе и реалистическому.

Выявлению типологических черт литературы определенного периода способствует мнение современной ей критике. Недаром Белинский писал: «Каждая эпоха русской литературы имеет свое сознание о самой себе, выразившееся в критике». ⁶ Недаром С. Дудышкин, К. Аксаков указывали на отражение «родовых черт времени», «переходов самой литературы нашей» в творчестве отдельных писателей. Таким образом, давно известный историко-типологический подход к изучению литературы не менее актуален в наши дни, чем анализ «текстильности», «интертекстуальности», «дискурса» отдельно взятого произведения.

Примечания

1. Примеры взяты со страниц «Вопросов литературы», посвященных дискуссии об истории словесности и путях ее интерпретации.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С.362
3. Петров С.М. Критический реализм. М., 1974. С. 329.
4. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970. С. 273.
5. Кулешов В.И. О методологическом единстве генетического и типологического изучения литературы // Методология литературных исследований. Прага, 1982. С.14.
6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М. 1955. Т. 9. С. 148.

© К.В. Ратников
Челябинск

ОДИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: КОРОНАЦИОННЫЕ ОДЫ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО, С. П. ШЕВЫРЕВА, А. С. ХОМЯКОВА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ведущий жанр системы русского классицизма, торжественная ода в 1820-е годы утратила былое первенство, но продолжала сохранять место в поэтическом арсенале многих активных участников литературного процесса 1830-х – 1850-х годов. Последним мощным подъемом «одеписи» ознаменовался 1856 год, когда, откликаясь на коронацию в Москве нового императора Александра II, с которым в русском обществе связывались надежды на долгожданные перемены, целый ряд авторов обратился к жанровому потенциалу одной из основных одических форм – коронационной оды. Под пером князя П.А. Вяземского, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова и ссыльного Ф.М. Достоевского русская одическая традиция получила достойное завершение, обогатив классический канон яркими поэтическими новациями.

Прежде всего была отменена стеснительная форма привычной одической строфы – децимы с ее жесткой схемой рифмовки, замененной более свободными вариациями, остававшимися, однако, в рамках привычного для оды ямбического метра: восьмистишной строфой урегулированного пяти- и четырехстопного ямба с перекрестной и кольцевой рифмовкой у Вяземского («Москва. Август 1856»), десятистишной строфой пятистопного ямба из двух четверостиший с перекрестной рифмовкой и заключительного двустипия с парной у Шевырева («26 августа 1856 года в Кремле»), обыкновенными четверостишиями перекрестно зарифмованного четырехстопного ямба у Хомякова («26 августа 1856 года»), наконец, двенадцатистишной строфой, образованной из трех четверостиший, у Достоевского («На коронацию и заключение мира»). Подверглась существенному преобразованию и традиционная одическая композиция: был упразднен зачин – обращение к источникам поэтического вдохновения; более важную роль стал играть эпический элемент оды – панорамное воспроизведение вызвавших одический отклик событий, открывающих произведения в качестве пафосно поданной экспозиции: «Великолепен вид ликующей Москвы: / И день с небес сияет блеском, / И полон воздух весь струей людской молвы, / Колоколов и пушек треском» (Вяземский); «Мы помним день в Москве первопрестольной: / Державный Кремль торжественно сиял; / Носился звон повсюду колокольный / На празднике и волны разливал» (Шевырев); «Народом полон Кремль великий, / Народом движется Москва, / И слышны радостные клики, / И звон и громы торжества» (Хомяков). Тянувший солдатскую лямку в Семипалатинске Достоевский, естественно, не мог быть непосредственным свидетелем московских торжеств, поэтому вынужден был выражать свои чувства поневоле обобщенно и отвлеченно: «Эпоха новая пред нами. / Надежды сладостной заря / Восходит ярко пред очами... / Благослови, Господь, царя!»

Вместе с тем фундаментальные свойства одической традиции остались неизменными, начиная со стержневой идеи классической оды – утверждения государственного масштаба воспеваемых событий, их общенационального значения, проявляющегося, согласно монархическому мировоззрению авторов од, подлинно семейным единением царя и народа: «Одушевленная река, народа волны, / Теснясь, по улицам кипят; / Единой мыслию, единым чувством полны, / Единым пламенем горят» (Вяземский); «Здесь, в этот день, с тобою вся Россия, / И с нею ты, во имя Бога сил» (Шевырев); «Наш царь в стенах издревле славных, / Среди ликующих сердец, / Приял венец отцов державных – / Царя-избранника венец» (Хомяков); «Идет наш царь принять корону... / Молитву чистую творя, / Взывают русских миллионы: / Благослови, Господь, царя!» (Достоевский). В соответствии со спецификой коронационной оды воспеваемое венчание монарха на царство интерпретируется как пролог к грядущему благоденствию России под его скипетром: «Сей праздник – новых дней и символ и задаток... Он Богом данное звено, / Для жатвы будущей, для дальних поколений / Он плодородное зерно» (Вяземский); «Отечество прекрасные надежды / Лелеяло в грядущем на

тебе... И срок настал. Мгновения святые / Сошли с небес! День славы наступил!» (Шевырев); «И верим мы, и верить будем, / Что даст он дар – венец дарам, / Дар братолюбья к братьям-людям, / Любовь отца к своим сынам; / И даст года он яркой славы, / Победу в подвигах войны / И средь прославленной державы / Года цветущей тишины...» (Хомяков); «Царю вослед вся Русь с любовью / И с теплой верою пойдет / И с почвы, утучненной кровью, / Златую жатву соберет» (Достоевский).

Присущий русской одической традиции гуманистический пафос, призывы к монарху проявлять дух милосердия и справедливости закономерно пронизывает и оды в честь будущего царя-освободителя, успевшего уже амнистировать декабристов и завершить миром Крымскую войну: «Царь словом милости, как Божьей благодатью, / Украсил царства первый день: / Он братьям возвратил отторженную братью, / С семейств рассеял скорби тень. / Он почву русскую рососо благодатной / Своей щедроты освежил, / Народу роздых дал и, по тревоге ратной, / В мир верить седа научил» (Вяземский).

Рассматриваемые произведения не только несут общую типологическую преемственность с одической традицией XVIII столетия, но и развивают излюбленные мотивы классиков этого жанра. Идущая от ломоносовских од просветительская тенденция ратования за развитие и процветание наук под сенью престола наиболее отчетливо проявилась у профессора Московского университета Шевырева: «Да возрастит наук благое семя, / Даст правде жизнь и путь, труду почет...». Подхвачен им и ломоносовский призыв к деятелям российской науки посвятить свои усилия на благо отечества: «Жрецы наук, жрецы родного слова! / Сюда плоды возвышенных трудов, / Дары ума и гения родного, / Слова на вес – и меней праздных слов!» Свойственное Сумарокову и Державину стремление дать в оде наставление властителям оказывается созвучным славянофилу Хомякову: «А ты, в смирении глубоком / Венца приавший тяготу, / О, охраняй неспящим оком / Души бессмертной красоту!» Традиционное для русской оды прославление образа Петра Великого эффектно использовано стремившимся снискать благорасположение нового монарха бывшим каторжанином Достоевским: «Идет наш царь на подвиг трудный / Стезей тернистой и крутой, / На труд упорный, отдых скудный, / На подвиг доблести святой, / Как тот гигант самодержавный, / Что жил в работе и трудах / И, сын царей, великий, славный, / Носил мозоли на руках!» Усвоены поэтами XIX века и приемы одического мастерства их предшественников: напряженная державинская фонетика («Глагол времен! металла звон!») эхом отзывается у князя Вяземского: «И звон колоколов, звучащий звучной медью...».

Коронационные оды 1856 года стали своего рода эпилогом более чем вековой традиции русской государственной оды – от Ломоносова до... Достоевского, продемонстрировав богатые возможности старого жанра, воскресив его патриотический гражданственный пафос и лексически

обновив ораторский строй, что делает эти произведения, необоснованно обходимые вниманием историков отечественной поэзии середины прошлого века, заслуживающими более обстоятельного и углубленного исследования.

© Г. М. Самойлова
Курган

К ВОПРОСУ О РЕЦЕНЗИИ АНТИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ XIX ВЕКА

Проблема античных традиций в русском обществе XIX века до сих пор остается недостаточно разработанной и дифференцированной, хотя к ней обращались исследователи. Между тем ее решение может пролить свет на вопросы, связанные с осознанием процессов, сходных с Ренессансом в европейской культуре. Рецензия античных традиций занимает в этом аспекте особое место.

Займствование и приспособление русским обществом XIX века культуры античности шло в разных направлениях. Активное изучение языков, истории, искусства, быта и нравов древнего общества, соотнесенного с радостной эпохой «детства человечества», не могло не сказаться на духовной жизни России XIX века. Можно даже фиксировать возникновение целой группы людей, для которых античность была реальнее окружающей действительности, которые жили в мире былого, разделяя его вкусы, пристрастия, наклонности.

Традиции античного театра определяли творческие пристрастия русских авторов не только XVIII, но и XIX века, тяготевших к жанрам трагедии и комедии. «Маленькие трагедии» А. Пушкина – дань этой общей традиции. Произведения в античном духе задумывались одним из авторитетнейших театральных деятелей начала XIX века П. Катениным.

Традиции античного мира вместе с системой представлений о мире, в том числе тех, что нашли отражение в античной мифологии, по-своему воплощались в творчестве русских авторов. К примеру, количество реминисценций, цитат, параллелей, связанных с творчеством Овидия, в поэзии Пушкина настолько велико, что вряд ли поддается какому-то учету, классификации.

Интерес к античности не ослабевал и в русском искусстве второй половины XIX века. Частным случаем проявления этого общего интереса являются платоновские мотивы в творчестве Льва Толстого. В «Анне Карениной», пронизанной «мыслью семейной», любовной темой, настойчиво звучат переключки с «Пиром» Платона, которые читателями пока незамечены.

Позволим себе несколько дополнительных замечаний по поводу «Пира» Платона. Это произведение входило в круг обыденных разговоров Толстого уже в 1850-е годы.